

УДК 82

**САГА ОБ ЭГИЛЕ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ
ОУЛАВА ГЮННАРССОНА «ВЫКУП ГОЛОВЫ»**

© 2018 г.

О.А. Маркелова

Независимый исследователь, Москва

dimentionen@yahoo.dk

Поступила в редакцию 25.09.2017

Рассматривается рецепция древнескандинавской словесности в современной исландской прозе на примере романа Оулава Гюннарссона «Выкуп головы» (2005). Главный сюжетобразующий элемент рассматриваемого романа – эпизод из «Саги об Эгиле», посвящённый сочинению драпы «Выкуп головы». В данном случае речь идёт о романе, действие которого происходит не в «век саг», следовательно, связь с древнеисландской словесностью в нём не лежит на поверхности, а выражается сложным образом. Особенности рецепции саг в романе анализируются в контексте исландской литературы 1990–2010-х гг. как прозы, так и поэзии. В статье делается вывод о том, что «Сага об Эгиле» в данном романе осмысливается как универсальная сюжетная схема.

Ключевые слова: современная исландская литература, саги об исландцах, «Сага об Эгиле», интертекстуальность, рецепция.

Обращение исландских авторов 1990–2010-х гг. к такой важной части литературного наследия своего народа, как «саги об исландцах», не вызывает удивления. Как заметил крупный современный писатель и филолог Ауртни Бергманн, для каждого исландского прозаика настает такая пора, когда он испытывает потребность потягаться с авторами саг в повествовательном искусстве: «[Э]ти древние памятники литературы, саги наши, занимают настолько видное место в сознании исландского писателя, настолько важны для его работы с языком, что вполне естественно он рано или поздно захочет проверить себя и своё искусство рассказа именно на этом материале» [1]. При этом, даже несмотря на высокий статус, которым обладают саги в современной исландской культуре и национальном самосознании исландцев, в рассматриваемый период процент крупных прозаических произведений, созданных на основе саг, весьма невелик. (Разумеется, обращение к материалу саг в современной Исландии отнюдь не ограничивается сферой художественной литературы; он присутствует, например, в «дискурсе повседневности».) Самый распространённый в указанные десятилетия жанр, в рамках которого происходит обращение к материалу саг, – исторические романы, действие которых происходит в IX–XIII вв. Как правило, содержание таких романов «привязано» к тексту конкретной саги. Задача авторов в таких случаях – не создать собственный сюжет и характеры, напоминающие то, что существует в древнеисландской литературе (как поступают уже на протяжении нескольких веков авторы-

неисландцы при сочинении романов «из эпохи викингов» [2]), а дать новую интерпретацию уже существующим – и, как правило, хорошо известным читателю – сюжету и характерам. Например, «Торвальд странник» Ауртни Бергманна (1995) – «дописывание» событий «Пряди о Торвальде» и «Саги о крещении Исландии». «Глайсир» Аурманна Якобссона (2011) создан на основе «Саги о людях с Песчаного берега». «Здесь лежит скальд» Тоурарина Эльдьяртна (2012) – воссоздание саги о жителях долины Сварвдаль, дошедшей до наших дней лишь в виде фрагментов. Реже речь может идти об исторических романах, созданных на основе множества источников о некоем персонаже, известном по сагам (например, «Ауд» (Audur) Вильборг Давидсдоттир, 2009), или на основе общих сведений о соответствующей эпохе (например, её же диалогия «Повесть о Корке», 1993–1994).

Обращение к сагам происходит и в современной исландской детской литературе: там есть пересказы нескольких известных саг, в частности, в форме комиксов. Впрочем, в этих случаях задача автора состоит явно не в том, чтобы «потягаться с авторами саг в повествовательном искусстве», а в том, чтобы познакомить подрастающие поколения с древней классикой.

Отдельные персонажи, мотивы или крылатые цитаты из известных саг могут осмысливаться в исландской поэзии 1990–2010-х гг.

Рецепция древнеисландской словесности вообще и «саг об исландцах» в частности в исландской литературе последних трёх десятилетий пока ещё крайне мало исследована даже в самой Исландии (в отличие от более ранних периодов,

например, творчества Хатльдоура Кильяна Лакснесса). Однако уже на данном этапе видно, что эта рецепция имеет свои особенности.

Роман Оулава Гюннарссона (род. 1948) «Выкуп головы» (Höfuðlausn, 2005) является историческим романом, однако его действие происходит в эпоху, не связанную с универсумом родовых саг, – в начале XX века. Надо отметить, что в большинстве произведений Оулава действие происходит в первой половине XX века или в наши дни (как правило, в Рейкьявике). Обращение к далёким историческим эпохам для этого писателя не характерно, наиболее удалённый от современности период, освещённый в его творчестве, – эпоха Реформации (в романе «Земля и топор», 2003). Творческую манеру Оулава обычно определяют как неореализм [3, bls. 566–569]. Впрочем, в исландском романе 1980–2010-х гг., не только историческом, как раз эта манера является доминирующей [3, bls. 686].

Главный персонаж «Выкупа головы» (он же один из двух рассказчиков) – рейкьявикский плотник Якоб, который оставил ремесло ради писательства, но в итоге потерпел на литературном поприще неудачу. В начале романа он отправляется в поездку по Исландии со съёмочной группой кинокомпании Nordisk film2, где ему поручено освещать ход съёмок взамен заболевшего журналиста газеты «Моргюнбладид». После этого Якоб сам решает написать сценарий для фильма, который имел бы успех в международном масштабе, а потом посвящает свою жизнь сочинению романа. В «Выкупе головы» преобладают отсылки к литературе и культуре рубежа XIX–XX вв.: герой встречается с известными писателями, режиссёрами, актёрами и художниками той эпохи. Одно из важных событий в жизни Якоба в начале книги – его участие в похоронах поэта Торстейна Эрлингссона, о котором рассказчик говорит: «Я мысленно благодарил Бога за то, что он не уготовил мне жребий поэта, но дал мне благородную профессию плотника. С тех пор мне всегда казалось, что исландцы плохо обращаются со своими поэтами» [4, bls. 24]. Но даже после такого заявления Якоб оказывается в одном ряду с современными ему литературными деятелями: он собрался «в Данию, чтобы идти по стопам Камбана, Йоуханна Сигурйонссона и Гюннара Гюннарссона», [4, bls. 107]. (Исландские писатели рубежа XIX–XX вв., жившие в Дании и писавшие в основном по-датски.) Далее ему ставят в пример таких современных писателей, как Тоурберг Тордарссон, Стефаун фрау Квитадаль, Сигурд Нордаль и молодой Х.К. Лакснесс [4, bls. 148].

Однако в романе есть также интертекстуальный пласт, связанный с жизнью и творчеством гениального древнеисландского скальда Х. в. Эгиля Скаллагримссона. Почти всё, что мы знаем об Эгиле, известно из саги о нём, т. е., с точки зрения современного читателя, он присутствует в древнеисландской словесности в качестве её автора (сочинителя вис) и её персонажа (героя саги). В рассматриваемом романе отсылка к «Саге об Эгиле» немного, однако все они хорошо заметны читателю и формируют необходимое русло восприятия этого текста.

Логично предположить, что в романе, действие которого происходит не в «век саг», рецепция героя и сюжета саги будет существенно отличаться от такой рецепции в исторических романах, посвящённых Исландии IX–XIII вв., хотя бы потому, что возможность прямо следовать за сюжетом саги в таком романе исключена по определению. Следовательно, речь здесь о принципиально ином способе восприятия саги, который и будет описан в данной статье.

Главная и самая заметная отсылка к саге в рассматриваемом романе – само заглавие «Выкуп головы». Такое название носит знаменитая драпа Эгиля, которую он, согласно тексту саги, сложил в честь конунга Эйрика Кровавая Секира за одну ночь и таким образом, по уговору с конунгом, сохранил себе жизнь.

В «Саге об Эгиле» об обстоятельствах сочинения этого текста рассказано следующим образом:

И когда они пришли к Аринбьёрну, то поднялись вдвоем в маленькую горницу и стали обсуждать положение. Аринбьёрн сказал:

– Конунг был в большом гневе, но мне кажется, что его гнев смягчился к концу разговора. Теперь судьба решит, что будет дальше. Я знаю, что Гуннхильд приложит все силы, чтобы погубить тебя. Я советую тебе не спать ночь и сочинить хвалебную песнь конунгу Эйрику. Хорошо, если это будет песнь в двадцать вис с припевом, и ты сможешь сказать ее утром, когда мы придем к конунгу. Так же поступил Браги, мой родич, когда вызвал гнев шведского конунга Бьёрна. Он тогда сочинил ему в одну ночь хвалебную песнь в двадцать вис, и за это ему была дарована жизнь. Может быть, и нам так повезет, что это помирит тебя с конунгом.

Эгиль сказал:

– Я попробую сделать, как ты советуешь, только я, по правде говоря, совсем не собирался сочинять хвалебную песнь конунгу Эйрику.

Аринбьёрн просил его попытаться. Потом он пошел к своим людям, и они сидели и пили до полуночи. Затем они пошли спать, но прежде чем раздеться, Аринбьёрн поднялся к Эгилю в

горницу и спросил его, как идет дело с песней. Эгиль сказал, что еще ничего не сочинил.

– Тут на окне сидела ласточка и щебетала всю ночь, так что мне не было покоя.

Аринбьёрн вышел и пошел к двери, через которую входили наверх. Он сел снаружи у окна, где до этого сидела птица. Тут он увидел, как от дома удалилась какая-то колдунья, принявшая чужой образ. Всю ночь сидел Аринбьёрн у окна, пока не рассвело, а когда он вошел к Эгилю, у того была уже готова вся песнь, и он так крепко запомнил ее, что мог сказать ее всю Аринбьёрну. Теперь они стали ждать, когда придет час отправиться к конунгу» [5, с. 152–153].

Как мы увидим в дальнейшем, этот эпизод саги преломляется в романе Оулава Гюннарссона особым образом.

Один из лейтмотивов романа – история успеха романа Кнута Гамсуна «Голод»: О разговоре Гамсуна с Георгом Брандесом об этом романе Якоб узнаёт от известного исландского прозаика Гюннара Гюннарссона, за одним столом с которым пишет свои репортажи о ходе съёмки. Именно Гюннар рассказывает своему начинающему коллеге о Гамсуне: «Гамсун выкупил свою голову романом «Голод»» [4, bls. 51]. Здесь впервые в тексте романа появляется осмысление творческого успеха как «выкупа головы», пока ещё вне прямой связи с сагой.

Биография Якоба не обнаруживает очевидно-го сходства с биографией Эгиля Скаллаgrimссона. Однако она образует параллели с биографией Кнута Гамсуна. Жена Якоба Аустхильд замечает, что детские годы её супруга прошли примерно в таких же условиях, как у её любимого писателя Гамсуна [4, bls. 100]; оба они отождествляют себя с героями «Голода» [4, bls. 132, 187].

Фраза знаменитого исландского романиста о «выкупе головы», обращённая к Якобу, становится актуальной, когда тот сам начинает писать свой первый художественный текст – киносценарий по мотивам «Саги об Эгиле». Героем движет желание дать роль в будущем фильме датской актрисе Элисабет Якобсен, поклонником которой он является. Мужа Элисабет зовут Эгиль Якобсен. Якоб становится соперником Эгиля не только в литературе, но и в сердечных делах. Сценарий посвящён почти исключительно взаимоотношениям скальда с конунгом Эйриком.

«Я был всецело во власти фильма, который я творил. Я рассказывал Аустхильд о его идее и сказал, что только что видел на окне ласточку.

– А ведь Эгиль сейчас сочиняет «Выкуп головы», – сказала она.

– А потом он исполнит эти стихи перед конунгом и получит свободу.

– Хорошо была исполнена песнь, – добавила Аустхильд.

Тогда мне пришло в голову, что фильм можно было бы закончить радостным Одним в Вальгалле, – но я тут же мысленно вычеркнул его. Природе Эгиля больше соответствовал бы такой финал: он блуждает в одиночестве по пустынному ландшафту Хель» [4, bls.129]. В этом видна параллель с собственной судьбой Якоба: в итоге вместо триумфа нищета и одиночество.

Образ Эгиля в романе заметно отрывается от известной большинству исландцев историко-биографической основы и превращается в универсальный символ могущества искусства: «И вдруг мне стало ясно, что я сочиняю сценарий о силе поэзии» [4, bls. 128].

В конечном итоге Якоб создаёт не сценарий фильма о знаменитом скальде, а роман о своих земляках из Кеплавика: «Я хотел, чтобы в моём труде мёртвые воскресли. Ведь большинство из них, как мне казалось, сгнуло ни за грош. Я сочинял роман, я писал книгу, в основе которой отчасти лежал и мой собственный жизненный опыт. Я собирался воздвигнуть своим близким памятник.

Рассказ начинался с генеалогии, а потом я пробегался по датам и событиям, словно какой-нибудь составитель саг (íslendingasöguritari). Но в то же время я видел, что мне никогда не удастся поведать о существовании этих простых людей, о которых я слышал или с которыми познакомился в детстве, так, чтоб каждое действующее лицо осталось довольное своей жизнью и смертью. Но, если честно, я писал в такой горячке, что напоминал сам себе пророка, стоящего на площади и выкрикивающего свои послания непонимающей толпе. <...> Хотя мой рассказ был симфонией, превратившей людей в божества на белой ледяной вершине, их старость и смерть значит только, что я воздвиг враждебным жизни силам – праху, рже, болезням, старости и смерти – нид, как это когда-то сделал Эгиль» [4, bls. 146–147].

Здесь у образа Эгиля появляются хорошо понятные исландским читателям христианские коннотации: роман Якоба, призванный «воздвигнуть нид враждебным жизни силам», носит название «Огненная месса» (здесь имеется в виду историческое событие: в XVIII веке пастор Йоун Стейнгримссон служил мессе во время извержения вулкана). Однако первоначальное значение понятия «нид» (níðstöng, т. е. увенчанный лошадиным черепом шест, на котором написаны рунами хула и проклятия в адрес конкретного лица) сохраняется. В данном случае это отсылка к эпизоду саги, в котором Эгиль

воздвигает такой шест, чтобы послать проклятие конунгу Эйрику и королеве-колдунье Гуннхильд [5, с. 145]. В романе Якоба автобиографическая глава о родственнике, скверно общавшемся с ним в детстве, озаглавлена «Níðstöng»; издатель указывает на это и замечает, что непростительно «воздвигать ему подобный нид» [4, bls. 160].

Эгилю Скаллаgrimссону в романе уподобляется не только главный персонаж. «Двойником» Эгиля в некотором роде оказывается и Кнут Гамсун. В начале романа, как уже отмечалось, сказано: «Гамсун выкупил свою голову романом «Голод»» [4, bls. 51]. В конце романа Якоб отправляется в Норвегию, чтобы искать поддержки своему творчеству у Гамсуна [4, bls. 184–185], однако их встреча принимает нелепый оборот: всё, что измученный безденежьем и отсутствием перспектив исландец получает от знаменитого писателя, – совет «пробиваться самому». После неудачного визита к норвежскому прозаику Якоб сидит в своём доме в Рейкьявике: «Я услышал, как за окном поёт птица, но вместо радости её песня пробудила во мне ещё большее страдание. Ума не приложу, где она могла сидеть, ведь во дворе не было деревьев» [4, bls. 187]. Этот эпизод, без сомнения, является отсылкой к упоминавшемуся ранее эпизоду саги, в котором Эгилю мешает сочинять драпу щебечущая под его окном птица, облик которой приняла колдунья.

Мотив из Саги об Эгиле – птица, сидящая на окне и мешающая поэту, – реализуется не только прямо. Намёк на него присутствует в эпизоде, где жена Якоба относит его «Огненную мессу» издателю. «Во время нашего разговора в стекло стучится мясная муха. Вот она истерично жужжит.

– Они так ничего и не могут понять про стекло, – говорит издатель. – Всё одно и то же маниакальное упорство из десятилетия в десятилетие. А через единственное окно, которое я держу открытым, она влетать не хочет» [4, bls. 157] (далее он даёт понять, что сравнивает с этой мухой незадачливых писателей).

В романе «Выкуп головы» не цитируются дословно ни «Сага об Эгиле», ни сама одноимённая драпа его авторства, использованы лишь наиболее общие сведения об этом эпизоде биографии древнеисландского скальда. Фигура Эгиля Скаллаgrimссона в романе отрывается от текстов о нём/его авторства и становится универсальным символом поэта/творца вообще. Судьбу этого скальда в романе предлагается рассматривать в качестве прецедентной для любого творческого человека: настоящий поэт должен «выкупить свою голову» – и из контек-

ста всего романа ясно, что в роли пресловутого конунга здесь выступает фатум.

В известной мере «Выкуп головы» – роман о писательской рецепции саг в XX веке в Исландии. Как видно из писательских экспериментов Якоба, для этой рецепции характерны следующие черты: хорошее знакомство такого писателя с древнеисландской литературой («Сага об Эгиле» – любимая сага Якоба, и он помнит текст в деталях); уверенность, что текст, написанный на материале саг, будет интересен зарубежной аудитории (в данном случае – континентальной скандинавской); перенесение стилистических приёмов – и отчасти мотивов – саг в тексты, посвящённые другим эпохам.

Для современных исландских романов, действие которых происходит в IX–XIII вв., характерно, как уже говорилось, следование именно тексту конкретной саги, нередко с отсылками к известным цитатам из неё, но события и герои данной саги при этом редко превращаются в универсальные символы. Подобного рода превращение лица, известного из древней словесности, в универсальный символ/универсальную сюжетную схему весьма обычно в современной исландской поэзии (так, в стихотворении Герд Кристни «Стихи о детях» Торд Карасон из «Саги о Ньяле», сгоревший при пожаре в Бергторсхволле, становится олицетворением всех детей, погибших при конфликтах [6, bls. 260–261]; в тексте Тоурарина Эльдьяртна «Проект походного набора для поэтических беженцев» исландский первопоселенец Ингольв Арнарсон получает очень субъективное авторское осмысление как поэт-диссидент, который может появиться в любую эпоху [7, bls. 226], ряд подобных примеров можно продолжить). Однако в крупной прозе подобные случаи редки и, судя по всему, встречаются только в романах, действие которых происходит не в «век саг». В качестве одного из немногих примеров здесь можно привести роман Рунара Хельги Вигниссона «Ангедония» (Nautnastuldur, 1990), кстати, тоже использующего сюжет и персонажа «Саги об Эгиле». Части этого романа носят названия, отсылающие к стихам и биографии скальда, в тексте встречаются узнаваемые отсылки к тексту данной саги (и других саг), но сам главный персонаж – стеснительный, страдающий фобиями юноша Эйиль Гримссон – своего рода «Эгиль наизанку»; он и сам осознаёт, что его имя и судьба не подходят ему, и его лишь случайно назвали «в честь литературного персонажа» [8, bls. 124].

В романе Оулава Гюннарссона гениальность Эгиля (равно как и Гамсуна) не подлежит сомнению; а Якоб обладает литературным талан-

том более скромного масштаба, и его «выкуп головы», его борьба с судьбой оказывается неудачной. Однако в финале романа потерявший всё герой, ютясь в помещении Армии спасения, опять начинает писать – и оказывается доволен написанным. Финальные строки романа таковы: «Я вновь перечитываю текст тут и там, чтобы удостовериться. «Det var ikke bare talentfult, som så meget annet. Det var mer. Det var noe av Dostoevski» (Это было не просто талантливо, как многое другое. В этом было больше. В этом было что-то от Достоевского) [4, bls. 194]. Ранее в романе [4, bls. 50–51, bls. 144, bls. 159] данная норвежская фраза уже неоднократно приводилась – это отзыв Георга Брандеса на только что прочитанную рукопись «Голода» Гамсуна. Герой «Выкупа головы», даже опустившийся «на дно», всё же ещё может быть сравнен с Гамсуном (а значит, по логике данного текста, косвенно и с Эгилем), и сама возможность такого сравнения даёт основание считать, что жизненный крах этого персонажа не окончателен.

Обращение к фигуре поэта/писателя закономерно для рецепции древнеисландской словесности в Исландии начиная со второй половины XX века. Как показал Йоун Картль Хельгасон, именно тогда концепт *героя* перестал быть основополагающим для восприятия национального прошлого и древней словесности, и на смену ему пришёл концепт *писателя*, что наиболее хорошо заметно на примере Хатльдоура Кильяна Лакнесса [9, bls. 218]. Значимость творчества древнеисландских авторов для современников и потомков в современной исландской прозе, посвящённой «веку саг», часто подчёркивается, а названия романов «Скальд» Эйнара Каурасона и «Здесь лежит скальд» Тоурарина Эльдъяртна (оба – 2012) говорят сами за себя. Таким образом, обращение Оулава Гюннарссона к личности крупнейшего древнеисландского поэта отражает общие тенденции. Однако эта личность в «Выкупе головы» превращается в универсальный символ, уже не связанный с сагой, и личность Эгиля здесь может образовывать параллели со значимыми авторами других эпох (Эгиль – Гам-

сун). Само использование сюжета и персонажа саги в качестве сюжетообразующего элемента в романе, действие которого происходит не в «век саг», в современной исландской прозе встречается редко (использование персонажей саги в качестве символов, напротив, обычно в современной исландской поэзии). Описание рецепции древнеисландской словесности на примере персонажа, который пытается писать киносценарий по саге, можно считать уникальным для исландской литературы последних десятилетий.

Список литературы

1. «Читайте роман Ауртни Бергманна «Торвальд странник» и его послание современным читателям»: Выступление А. Бергманна на презентации романа «Торвальд странник» в Букбридж в Москве [Электронный ресурс] // Официальный сайт некоммерческого партнерства «Содействие развитию дружественных отношений с Исландией «ОДРИ». Режим доступа: <http://odri.msk.ru/category/%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B0%D1%83%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BD/>
2. Wawn, Andrew. The Post-Medieval Reception of Old Norse and Old Icelandic Literature // A Companion to Old Icelandic Literature and Culture. Rory McTurk (ed.). Oxford: Blackwell Publishing; 2005. P. 320–337.
3. Íslensk bókmenntasaga. Bd. V. Reykjavík: Mál og menning, 2006. 789 bls.
4. Ólafur Gunnarsson. Höfuðlausn. Reykjavík: JPV útgáfa, 2005. 194 bls.
5. Исландские саги. В 2 т. / Под общей ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Журнал «Нева» – «Летний сад», 1999. Т. 1. 832 с.
6. Gerður Kristný. Ljóðasafn. Reykjavík: Mál og menning 2014. 319 bls.
7. Þórarinn Eldjárn. Kvæðasafn. Reykjavík: Vakaö-helgafell, 2008. 544 bls.
8. Rúnar Helgi Vignisson. Nautnastuldur. Reykjavík: Forlagið 1990. 228 bls.
9. Jón Karl Helgason. Hetjan og höfundurinn. Brot úr íslenskri menningarsögu. Reykjavík: Heimskringla, Háskólaforlag Máls og menningar, 1998. 269 bls.

«THE SAGA OF EGIL» AS THE PLOT-FORMING TEXT IN THE NOVEL «THE HEAD RANSOM» BY ÓLAFUR GUNNARSSON

O.A. Markelova

The article deals with the perception of Old Norse literature in modern Icelandic fiction, and the novel «The Head Ransom» (2005) by Ólafur Gunnarsson is taken as an example of it. The plot of the novel is formed mainly by the episode in «The Saga of Egil», where the composing of the drapa «The Head Ransom» is described, and it is regarded as a universal plot scheme. The specific features of reception of the sagas in this novel are considered in the broad context of the Icelandic literature of the 1990–2010's.

Keywords: modern Icelandic fiction, the sagas of Icelanders, «The Saga of Egil», intertextuality, reception.

References

1. «Chitajte roman Aurtni Bergmanna «Torval'd strannik» i ego poslanie sovremennym chitatel'nyam»: Vystuplenie A. Bergmanna na prezentacii romana «Torval'd strannik» v Bukbridzh v Moskve [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt nekommercheskogo partnerstva «Sodejstvie razvitiyu družhestvennyh otnoshenij s Islandiej «ODRI». Rezhim dostupa: <http://odri.msk.ru/category/%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%B%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B0%D1%83%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BD/>
2. Wawn, Andrew. The Post-Medieval Reception of Old Norse and Old Icelandic Literature // A Companion to Old Icelandic Literature and Culture. Rory McTurk (ed.). Oxford: Blackwell Publishing; 2005. P. 320–337.
3. Íslensk bókmenntasaga. Bd. V. Reykjavík: Mál og menning, 2006. 789 bls.
4. Ólafur Gunnarsson. Höfuðlausn. Reykjavík: JPV útgáfa, 2005. 194 bls.
5. Исландские саги. В 2 т. / Под общей ред. О.А. Смирницкой. СПб.: Журнал «Нева» – «Летний сад», 1999. Т. 1. 832 с.
6. Gerður Kristný. Ljóðasafn. Reykjavík: Mál og menning 2014. 319 bls.
7. Þórarinn Eldjárn. Kvæðasafn. Reykjavík: Vakaö-helgafell, 2008. 544 bls.
8. Rúnar Helgi Vignisson. Nautnastuldur. Reykjavík: Forlagið 1990. 228 bls.
9. Jón Karl Helgason. Hetjan og höfundurinn. Brot úr íslenskri menningarsögu. Reykjavík: Heimskringla, Háskólaforlag Máls og menningar, 1998. 269 bls.